

## К ВОПРОСУ О РОЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ХОДЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Тема стала актуальной после выхода в свет книг А.А. Орлова «Союз Петербурга и Лондона», О.В. Соколова «Аустерлиц» и статьи В.М. Безотосного в журнале «Отечественная история» № 2 за 2008 г. В этих работах широко обсуждались геополитические факторы, предопределившие поражение наполеоновской Франции и правильность внешнеполитического выбора России.

Я согласен с В.М. Безотосным в том, что вопрос о геополитических и геостратегических преимуществах и недостатках России, Англии, Франции и других великих государств в отечественной историографии изучен недостаточно и что при изучении этих проблем предпочтительней и надежней пользоваться терминологией того времени. Действительно, простое упоминание геополитических терминов порой может восприниматься как новомодное слово, не более того. Однако наука не может существовать без сравнения и обобщения сходных явлений, без выявления и творческого применения известных закономерностей, которые работают, как оказалось, с той же неумолимостью, что и закономерности шахматной игры.

Формально геополитика зародилась в конце XIX в. Но фактически основы геополитики и геостратегии просматриваются в трудах Макиавелли, Жомини, Клаузевица и ряда других авторов. Все великие политики были искусными практиками геополитики: Петр I, Александр I, Вильям Питт (Старший и Младший), Бисмарк. Для Д.А. Милютин и А. Снесарева, Х. Мольтке-старшего и А. Шлиффена геополитика была «военной статистикой», т.е. синтезом физической и экономической географии<sup>1</sup>.

Геополитика объясняет причины выдвижения одних государств на историческую авансцену и регресса других. Конечно, теория может обосновать лишь общее направление исторических процессов. Опыт практиков геополитики учит, что положительные результаты приносит политика, направленная на реализацию долгосрочных интересов данного государства, что надо учиться на ошибках прошлого, вместо того чтобы ими гордиться и повторять снова.

Геополитика и геостратегия как прикладные науки, основанные на выведенных опытным путем принципах, помогают понять преимущества и недостатки повторяющихся в общих чертах ситуаций, в которые попадают государства, и принять правильные политические и военные меры.

Рассмотрим три принципа геополитики, повлиявшие, на наш взгляд, на исход наполеоновских войн.

### **I. Превосходство морской мощи в борьбе с сухопутной силой**

Пожалуй, первым по времени принципом геополитики, определившим поворотные моменты эпохи французской революции и империи, стало положение о превосходстве морской мощи в борьбе с сухопутной силой. Коллеги, пишущие о сюжетах, связанных с борьбой Франции и Англии, практически не ссылаются на автора фундаментального труда «Влияние морской силы на французскую революцию и империю» американского военно-морского теоретика Альфреда Мэхэна. Между тем 120 лет назад это была настольная книга для многих поколений политиков и моряков разных стран.

Мэхэн приводит короткое, но емкое высказывание английского пирата эпохи Елизаветы I Релея: «Тот, кто владеет морем, владеет мировой торговлей, а кто владеет мировой торговлей, владеет богатствами земли и ею самой»<sup>2</sup>. Иначе говоря, держава, преобладающая на море, всегда может вынудить своего континентального противника сражаться против ресурсов всего мира. Великобритания убедительно продемонстрировала это Франции при Людовике XV и Наполеоне, Германии при Вильгельме II и Гитлере, России при Николае I<sup>3</sup>. Автор убедительно показал, что в истории мировых цивилизаций просматривается преобладающая роль морской торговли в соединении с мощью военно-морского флота над мощью сухопутных армий. К этому обязательно надо добавить, что эффективный контроль над морскими путями невозможен без географического фактора - выгодного начертания береговой линии и, следовательно, выгодного расположения пунктов базирования флота как для обороны, так и наступления. Значение этих элементов морской мощи просматривается на протяжении всей истории человечества от гребных судов античной Греции до атомных авианосцев. В XVI-XX вв. благодаря наличию данных факторов контроль за морскими торговыми путями постепенно перешел к Великобритании, которая, не имея большой армии, в многочисленных войнах всегда подтверждала свое военно-морское превосходство на океанских просторах.

В качестве доказательства действенности принципа превосходства морской мощи и в XX в. приведем главный аргумент начальника генерального штаба Германии Л. Бека, пытавшегося остановить Гитлера накануне Второй мировой войны. Летом 1938 г. он писал: «... Англия всегда

ориентировалась в своем военном руководстве на ведение продолжительной войны, так как ее сила заключается в огромных дополнительных ресурсах мировой империи, которые дают ей большую силу для того, чтобы как можно дольше продержаться в войне, чем любой другой державе. Кроме того, во время войны Англия может иметь в своем распоряжении весь остальной мир в качестве глубокого тыла. В этом плане показательными являются соглашения между Англией и Америкой, касающиеся поставки оружия»<sup>4</sup>.

Особенно ярко данный принцип прослеживается в период наполеоновских войн. Основной тезис А. Мэхена звучит так: «Главным оружием Великобритании против Франции стали успехи торговли и флота. Никакие другие факторы не играли в этой войне столь же важной роли. Именно один из них (торговля. - *С.Ш.*) служил опорой Великобритании, выдерживавшей, в свою очередь, на своих плечах все сопротивление Европы. Другой (военный флот. - *С.Ш.*) громил Францию, применяя к ней процесс стягивания, который, не будь Бонапарта, заставил бы ее смириться еще в начале войны и для освобождения от которого сам Наполеон *вынужден* был обратиться к мерам, таившим в себе его гибель. Эти важные результаты были достигнуты путем удлинения нитей английской торговой сети и укрепления ее опорных пунктов - путем колониального расширения, охраны морей и развития военного флота»<sup>5</sup>.

А. Мэхэн детально обрисовал механизм воздействия морской мощи Великобритании на нейтральную торговлю. С 1793 по 1814 г., с перерывом во время Амьенского мира, Великобритания установила фактически полную блокаду всех портов, подконтрольных французским властям. Около тысячи военных кораблей в любую погоду осуществляли досмотр нейтральных кораблей на просторах Атлантики. 60 тыс. торговых кораблей осуществляли перевозку товаров из колоний в метрополию и нейтральные страны.

Механизм блокады портов континента, позволявший англичанам облагать налогом любой нейтральный корабль, действовал следующим образом: «В порты не допускалось ни одно нейтральное судно ни под каким предлогом, и если бы было захвачено при попытке войти туда, то было бы признано законным призом». С другой стороны, нейтральные суда могли входить в порты и выходить из них свободно, если они «не грузились в каком-либо порту, принадлежащем врагам Его величества, или не следовали прямо в какой-либо из принадлежащих врагам Его величества портов. Не происхождение груза, а порт погрузки определял для нейтрального судна право доступа в заблокированные гавани и во все открытые порты неприятеля»<sup>6</sup>. Большинство торговых кораблей нейтральных государств, шедших в порты Европы, вынуждены были заходить в английские порты. Там они платили англичанам пошлины и далее двигались под охраной англичан. Недостаток обученных матросов на военных кораблях возмещался произвольным изъятием из экипажей нейтральных судов, якобы дезертиров и подозрительных лиц. Хотя право нейтральных судов на торговлю с портами, не подвергшимися блокаде, формально не отрицалось, но в то же время не знавший никаких препонов английский флот сурово налагал на эту торговлю всякие ограничения, какие только допускались строгим и даже насильственным толкованием международного права. Даже съестные припасы были объявлены военной контрабандой на том основании, что при тогдашнем положении Франции можно было надеяться принудить ее голодом к миру<sup>7</sup>.

Нельзя недооценивать значение Вест-Индии в деле финансовой устойчивости Великобритании, от состоятельности которой зависела не только морская война, но и коалиции (антинаполеоновские. - *С.Ш.*), доставлявшие необходимую помощь для подавления «агрессивной французской системы»<sup>8</sup>.

Английская блокада способствовала росту нейтральной торговли. Если до закрытия Великобританией вестиндской торговли для французских и голландских судов «в 1792 году, предшествовавшем году объявления войны, Соединенные Штаты вывезли в Европу 1 122 000 ф. сахара и 2 036 742 ф. кофе; то в 1800 году вывоз возрос в 40-70 раз. Если в 1803 году, в течение кратковременного мира, вывоз упал до 20 000 000 ф. сахара и 10 000 000 ф. кофе, то в 1804 году, когда война возобновилась, он опять поднялся в 4 раза»<sup>9</sup>. Проработав отчеты о работе морских торговых бирж, Мэхэн сделал следующее обобщение: «благодаря содействию этих причин и ограничениям, наложенным на нейтральную торговлю, коммерческие обороты Великобритании увеличились в период времени от 1792 до 1800 года на 65 процентов, тогда как потери, понесенные от каперов, составляли меньше 2,5 процента годового оборота»<sup>10</sup>.

Континентальная блокада со стороны Франции была малоэффективным ответом. Внеэкономические методы (захват стран, закрытие торговых портов, уничтожение товаров, разорительные пошлины) Наполеона не увеличивали, а сокращали экономическую и, особенно, налоговую базу империи. Французские таможенные и пограничные службы также получили приказ конфисковать нейтральные суда, заходившие в порты, контролируемые Англией. «При возраставшей бедности в Европе должна была беднеть и Французская империя. Соответственно уменьшению ее

богатства должно было явиться и уменьшение дохода. Последний был недостаточен для удовлетворения нужд государства. Огромные захваты колониальных произведений, сделанные внезапно в предшествовавшем августе, не могли повториться в сколько-нибудь подобной степени. Пошлина в пятьдесят процентов, наложенная на кофе и сахар, которые были заявлены владельцами, в государствах, охваченных поисками Наполеона, пала сначала на запасы, сделанные в годы слабой блокады, и дала большие суммы; но теперь она служила только побуждением к контрабанде. Большая изобретательность была обнаружена в измышлении чрезвычайных средств для вымогательства денег от покоренных народов, но каждый год такие источники уменьшались все более. Подобно рабству, подобно дурному сельскому хозяйству, администрация Наполеона, и особенно его армия, требовали постоянно новой почвы, делали мало для возобновления и развития сил, которые они напрягали. Оставалось два источника. Один из них - экономия; и переписка Наполеона в эту эпоху изобилует увещаниями, обращенными к его помощникам. Император держал в резерве, подлежащем лишь его личным распоряжениям, особую богатую кассу, специально для военных потребностей, начало которой положили военные контрибуции»<sup>11</sup>.

«В недалеком будущем Наполеон намеревался завладеть флотами Европы и объединить их в прямом нападении. 19 июля 1807 г. Португалия была уведомлена, что она должна выбирать между войной с Францией и войной с Великобританией, а 31-го подобное же внушение из Парижа было сделано и Дании. Для принуждения последней один корпус, с Бернадотом во главе, был собран на ее границе, в то время как другой, под командой Жюно, был стянут на юг Франции для нападения на Португалию. Но в обеих странах Наполеон был упрежден

Великобританией. В начале августа двадцать пять линейных кораблей вошли в Балтийское море, конвоируя транспорты с двадцатью семью тысячами войска; остров, на котором расположен Копенгаген, был окружен кораблями, а сам город - сухопутными войсками. Затем датское правительство получило приглашение дать свой флот под охрану Великобритании. Получив отказ, англичане подвергли город обстрелу, после чего датчане выполнили все условия нападающих».

Итак, морская мощь Великобритании сумела обеспечить баланс торгово-промышленных и финансовых интересов государства, что не оставляло Наполеону шансов надеяться разорить промышленность и торговлю Англию. Рано или поздно режим Наполеона должен был рухнуть. Чудом было столь долгое противостояние Наполеона. Основные выгоды от победы над постреволюционной Францией получила Британия (колонии, порты, контролирующее движение судов, резкое увеличение торговых оборотов). Александр I и Кутузов очень хорошо об этом знали, но изменить ничего не могли, потому что у них не было возможностей противостоять геополитическим преимуществам Британии.

Большинство отечественных авторов (не будем здесь перечислять), говоря о главной причине войн Наполеона с коалицией государств с 1805 по 1813 г., называют борьбу островной Британии и континентальной Франции в целях разрушения французской морской мощи. Морская торговля была парализована блокадой всех подконтрольных Франции портов и ответной континентальной блокадой, направленной против нейтральных кораблей, заходивших в английские порты или везущих английские товары. В свете сказанного хотелось бы поспорить с А.А. Орловым, в фундаментальном труде которого, в главе о помощи Англии России в 1812 г., есть утверждение, на наш взгляд, не вполне оправданное: «То, что в первый период войны 1812 г. Великобритания как государство занимала выжидательную позицию, является непреложным фактом»<sup>12</sup>. С точки зрения России, ждавшей реальной помощи в виде войск, это может быть и так. Однако главный вклад Англии в общую победу хотя и был менее заметен, но не уступал вкладу России. Морская мощь Великобритании действовала гораздо эффективнее, нежели континентальная блокада. Отсутствие каких-либо благоприятных перспектив в блокаде заставило Наполеона решиться на вторжение в Россию, чтобы восстановить нарушенный статус-кво. Главный вклад Англии в победу России и коалиции в целом состоял в эффективности морской блокады континента и эффективном противостоянии Наполеону в Испании и Португалии.

## **II. Отсутствие у России «кошмара коалиций»**

Относительная свобода России в выборе союзников получила отражение в знаменитом высказывании Александра III: «У России только два надежных союзника - ее армия и флот». У России, как выразился Г. Бисмарк, не было такого «кошмара коалиций» как у Пруссии, Австрии, а затем у Германии. Географическое положение и самодержавный строй России давали последней возможность с большей легкостью отказаться от союза, чем могла это сделать Германия. Победа над Россией - это не разгром, а обретение соседа на востоке, стремящегося к реваншу<sup>13</sup>. Отсутствие одновременно нескольких геополитических угроз толкало Россию к переменному сотрудничеству то с Францией, то с Великобританией. К этому приводило столкновение интересов в расширении сфер влияния в Восточном Средиземноморье, в Черноморских проливах, в Закавказье, в развитии собственной

промышленности и морской торговли. Англия, даже проиграв войну в Европе, извлекала прибыли в колониях, как это было с Францией в Семилетнюю войну. Дело в том, что, находясь на разных концах Европы, Россия и Франция не имели друг к другу территориальных претензий, поэтому могли «дружить» как против государств центральной ее части, так и против владычицы морей Англии.

К французской республике, а затем к империи у союзников была одна общая претензия: она была возмутительницей спокойствия в Европе и нарушала ранее принятые договоренности и равновесие сил. Специалист по геополитике И.В. Зеленева, на наш взгляд, правильно считает императора Александра I геополитиком-идеалистом. «Его геостратегическая концепция объединенной Европы намного опередила время»<sup>14</sup>. Ее вывод о том, что «у российской элиты в то время не имелось сколько-нибудь продуманной программы», на наш взгляд, логично следует из данного определения. Союзники пошли на принятие проекта императора Александра о создании Священного союза - прообраза объединенной Европы - с практической целью не допустить очередного возврата Наполеона и революций. Между тем уже 2 января 1815 г. бывшие союзники (Австрия, Англия) и Франция заключили секретный пакт против усиления роли России в Европе. Возврат Наполеона с о-ва Эльба в марте предотвратил открытую конфронтацию и примирил «союзников». После смерти Наполеона эта угроза миновала, и Священный союз стал терять практическое значение. Конечно, личная неприязнь императора Александра к Наполеону при данном раскладе интересов не играла решающей роли. В этом вопросе я солидарен с В.М. Безотосным.

### III. Малоуязвимость России

Данное положение принадлежит также Г. Бисмарку. Это геополитическое свойство увязывает сразу несколько факторов, не позволяющих сокрушить Россию: большие пространства, более суровые, чем в Центральной Европе, природно-климатические условия, несовершенство дорожной сети, относительно малая экономическая и социальная активность, мобильность и плотность населения, ограниченные экономические возможности по содержанию крупных масс людей и лошадей, начертания границ, морского побережья. Россия могла терпеть лишь частные поражения, но завоевать ее было нельзя. В иностранной историографии данного мнения придерживались К. Клаузевиц<sup>15</sup>, Ф. Энгельс<sup>16</sup>, Г. Мольтке, Г. Бисмарк, Д. Чандлер<sup>17</sup>.

Наполеон знал об этом геополитическом преимуществе России, но у него не было выбора. Годом раньше или позже во Франции, на наш взгляд, неизбежно должны были произойти большие перемены в политике. Выбор у него был невелик: либо как-то уладить дела с Россией и, тем самым, заморозить экономическую и политическую ситуацию и не потерять лицо; либо в силу неэффективности континентальной блокады смириться с перспективой экономического спада, постепенного обеднения Франции, роста недовольства, мятежей в оккупированных странах. Л.Л. Беннигсен сообщал в воспоминаниях, что Наполеон уже в 1807 г. опасался, не будут ли русские вести *«гораздо более жестокую войну»*, и получил в этом полные уверения<sup>18</sup>.

В отечественной историографии фактор малой уязвимости России прозвучал в обобщающих трудах М.И. Богдановича и Е.В. Тарле. После идеологических кампаний 1944-1951 гг. разговор о значимой роли больших пространств, бездорожья и природных стихий стали называться политической безответственностью. Как известно, в ходе длительного отступления советских войск в начале Великой Отечественной войны военно-политическое руководство целенаправленно выступило против участвовавших разговоров о роли больших пространств. В приказе наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. справедливо говорилось: «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много еще территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам... У нас нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину». Действительно, победить можно только при наличии решимости выстоять или умереть. В приказе шла речь о психологической устойчивости армейской массы, а наличие фактора больших пространств фактически признавалось.

В 1944 г. партийное руководство страны, усмотрев в тезисе о значении больших пространств идеологическую диверсию, опубликовало статью председателя ЦИК СССР М.И. Калинина *«Могущество советского государства»*<sup>19</sup>, а также провело работу с историками. В июне 1944 г. на совещании сотрудников Управления пропаганды ЦК ВКП(б) совместно с Академией наук СССР осудили в том числе академика Е.В. Тарле, позволившего на своей научно-просветительской лекции в Саратове в 1942 г. мимоходом указать: «Если сейчас мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории - это один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов. Говорить об этом

факторе, о тех, кто создал этот фактор, как о каком-то недоразумении совершенно не приходится»<sup>20</sup>. Хотя он говорил об этом факторе как далеко не главном, ему поставили в вину именно принижение мощи Советской Армии<sup>21</sup>. После повторной проработки Е.В. Тарле в 1951 г. этот вопрос до начала 1990-х годов не поднимался.

В последние годы фактор малоуязвимости России получил признание представителей Российской академии военных наук В.А. Золотарева и Б.П. Фролова, выпустившего в 2005 г. труд «Да, были люди в наше время...». В нем прямо сказано: «Наполеон не учел должным образом боевые возможности русской армии при ведении ею боевых действий на своей территории, менталитет русского народа и особенности театра военных действий, который по своей обширности многократно превосходил те западноевропейские, на каких ему до сих пор приходилось действовать... Русские полководцы, используя пространственный фактор, которым не обладали противники Наполеона в Западной Европе, навязали ему такой способ стратегических действий, который явился для него полной неожиданностью. Наполеон сравнительно быстро выявил контуры грядущей "скифской войны", но уже ничего поделывать не мог. Рок с беспощадной неотвратимостью увлекал его все дальше и дальше в неведомые дали загадочной для завоевателя страны... Теперь уже русские диктовали ему свою волю, а он был вынужден лишь как-то реагировать на новые вызовы неблагоприятно складывающейся для него обстановки, пока на пепелище Москвы не оказался в полном тупике»<sup>22</sup>. Однако другие элементы малоуязвимости вновь были подвергнуты беспощадной критике. «...Ну а как же насчет холода и голода? На наш взгляд, доводы всех этих "исследователей", ссылающихся на данные факторы, несостоятельны в своей основе. Во-первых, холод и голод, свирепствовавшие тогда на разоренной до предела в результате вражеского нашествия территории, оказывали одинаковое воздействие на армии обеих сторон. Ведь мороз и голод не разбирают, кто враг, а кто защитник Отечества. И русские войска страдали от них не меньше, чем французы и их союзники. Об этом свидетельствуют большие потери русской армии обмороженными и больными. Русский солдат оказался более выносливым. В-третьих, весьма странно, что Наполеон не предусмотрел нескольких вариантов развития событий с началом войны. Он был твердо убежден, что ему удастся разгромить русскую армию в одном-двух генеральных сражениях сразу же с началом военных действий»<sup>23</sup>.

По нашим наблюдениям, К. Клаузевиц, Е.В. Тарле, Д. Чандлер, а также наш коллега В.М. Безотосный пришли к выводу, что момент истины для Наполеона наступил, когда его армия перешла Неман - границу России, а русские войска не предприняли упреждающий удар в целях уничтожения запасов продовольствия и фуража в герцогстве Варшавском. Действительно, после того как гигантская военная машина пришла в движение, отдать приказ вернуться, не потеряв лица, было невозможно. Отсюда В.М. Безотосный сделал вывод, что именно из-за невозможности повернуть назад Наполеон перешел Неман: «...никто силой не заставлял французского императора отдавать приказ о переходе границы». Логика принятия решения в данном случае оказалась проста - все пружины колоссального маховика Великой армии были взведены. В такой ситуации невозможно запрограммированную на войну «машину» не запустить в действие или дать команду «отбой». Да и как по-иному можно оправдать грандиозные предвоенные усилия по организации и концентрации огромных людских и материальных средств? Даже просто финансовые затраты? Войну Наполеону необходимо было начинать в любом случае.

Перед 1812 г. российский император победил в «битве мозгов» и благодаря блестяще действовавшей разведке смог разработать трехлетний стратегический план войны с Наполеоном. Первый период (1812 г.) - затягивание войны по времени и в глубь русской территории, затем (1813-1814) гг. - перенос боевых действий в Европу<sup>24</sup>. И так, хотя в статье не сказано, в какой момент предопределилась победа России, косвенные намеки (блестящая работа разведки, вынужденность перехода границы) говорят, что победа была предрешена в момент перехода границы, что Наполеон не продумал наилучший вариант развития событий. Вместе с тем не стоит отказывать Наполеону в стратегическом предвидении. Хотя бы на начальном этапе войны. У него просто не было другого выбора, но еще оставалась надежда, что русские сделают ошибки или смалодушничает царь. Большинство историков придерживалось мнения, что понимание этого пришло после того, как он углубился в Россию, когда остановка или отход огромной армии ставил под вопрос его политический, военный престиж и судьбу империи. На самом деле, неэффективная борьба с Британией загнала его в ситуацию, когда любое развитие событий ведет к проигрышу. В шахматах такая позиция называется цунг цванг.

После победы над Наполеоном усилиями Клаузевица и Бисмарка немецкий генералитет усвоил правило: Россию завоевать невозможно. Генерал-полковник Людвиг Бек, увидев, что Гитлер идет на военную конфронтацию с Францией, Великобританией, а впоследствии с Россией и США, выполнил свой профессиональный долг, представил свой меморандум о невозможности выиграть большую войну

и ушел в отставку. Остальные генералы не решились на открытое выступление и дальше кулуарных разговоров не пошли. Летом 1940 г. начальник штаба верховного командования В. Кейтель представил свой меморандум о невозможности быстрой победы в войне против СССР<sup>25</sup>. Гитлер, по его мнению, исходил из того, что рано или поздно столкновение с Россией произойдет, и было бы ошибкой ждать, когда противник изготвится и нападет сам<sup>26</sup>. Те же аргументы Гитлера записал в своем дневнике 3 октября 1940 г. фельдмаршал Федор фон Бок. В ответ на его слова, что «необъятные пространства России, ее неизвестные нам силы делают выполнение этой задачи сложной даже для наших вооруженных сил», Гитлер ответил - у нас нет другого выбора.

В целом можно сделать вывод: игнорирование геополитических и геостратегических принципов может долго не приводить к беде, но в конце концов наступает «момент истины». Чаще всего руководитель государства уже задолго до этого не имеет возможности повернуть назад - изменить уже ничего нельзя.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Классика геополитики. М., 2003. С. 682.

<sup>2</sup> Там же. С. 683

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> *Ферстер В.* Противостояние фюреру: Трагедия руководителя немецкого генштаба, 1933-1944. М.: Центрполиграф, 2008. С. 117-118.

<sup>5</sup> *Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М.; СПб: Terra Fantastica, 2002, Т. 2, С. 567-568. В течение того же периода были захвачены при посредстве подобных экспедиций мыс Доброй Надежды, Цейлон и другие голландские и французские владения в Индии. Захваты эти не только раздвинули пределы английской торговли, но еще более содействовали ее развиту тем обеспечением, которое они ей доставили, обратив вражеские порты в дружественные.

<sup>6</sup> Там же. С. 395-396.

<sup>7</sup> Там же. С. 569.

<sup>8</sup> Там же. С. 566.

<sup>9</sup> Там же. С. 390.

<sup>10</sup> Там же. С. 566-568.

<sup>11</sup> Там же. С. 487-488.

<sup>12</sup> *Орлов А. А.* Союз Британии и России. М., 2005. С. 231.

<sup>13</sup> *Бисмарк О.* Воспоминания. М., 2001. Т. 2. С. 235, 237.

<sup>14</sup> *Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России XVIII - первой половины XIX века. СПб., 2005. С. 175.

<sup>15</sup> *Клаузевиц К.* О войне. М., 1936. Т. 2. С. 414, 416. «Наступление Бонапарта в 1812 году не потому потерпело неудачу, что он повел его слишком быстро и далеко, как гласит обычное мнение: будучи единственным средством достигнуть успеха, это наступление потерпело крах. Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств, ни теми 500 000 человек, которые для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров... Поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т.е. потому, что он не мог убраться».

<sup>16</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 16. «Представим себе Россию середины прошлого века (XVIII. - С.Ш.). Уже в то время она занимала огромную территорию с исключительно однородным в расовом отношении населением. Население было редким, но быстро растущим. Это население находилось в состоянии духовного застоя. Было лишено всякой инициативы, но в рамках своего традиционного образа жизни было пригодно решительно на все; выносливое, храброе, послушное, способное переносить любые тяготы, оно составляло превосходный материал для войн того времени... Сама страна обращена к Европе лишь одной своей западной границей и поэтому уязвима лишь с этой стороны, она не имеет центра, захват которого мог принудить ее к заключению мира, она почти недоступна для завоевания, вследствие бездорожья, протяженности территории, бедности ресурсов. Такая страна представляет собой неуязвимую, мощную позицию для каждого, кто умеет ее использовать, позволяя себе проделывать в Европе такие вещи, которые вовлекли бы любое другое правительство в бесконечные войны. Сильная, неприступная, в обороне, Россия была, соответственно, слаба в наступлении».

<sup>17</sup> *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. М.: Центрполиграф, 2002. С. 453. «Если признаки будущего падения Наполеона были заметны зимой 1806 г., приближение его падения, несомненно, ускорило катастрофической кампанией в России. Время показало, что вторжение Наполеона в Россию явилось тем необратимым действием, которое уничтожило всякую возможность сохранения империи и его самого. С момента, когда первые войска переправились через Неман, император ступил на тот путь, который неумолимо вел его к Святой Елене».

<sup>18</sup> Записки графа Беннигсена о войне 1807 г. // Рус. старина. 1901. Март. «Дюрок еще намекнул мне, что ему поручено спросить у меня объяснения относительно помещенного в моем письме

выражения: "новая война быть может еще более жестокая, нежели предшествовавшая". Я ему ответил, что, по моему мнению, смысл этого выражения вполне ясен: до настоящего времени мы дралась только с частью наших сил, и при том за союзника, в чужой земле, но что теперь театр войны приближается к пределам империи; поэтому война делается народной и что французам придется иметь дело со всеми нашими силами, которые громадными наборами до чрезвычайности увеличены; что эти силы быстро подходят к армии, к которой уже передовые их части присоединились, что, конечно, не безызвестно французам. Дюрок признался, что они все это знают, и затем уехал, чтобы донести Наполеону о нашем с ним разговоре».

<sup>19</sup> Большевик. 1944. №7-8. С. 20-30. «Как оценить мощь государства? Мне думается, это можно сделать лишь представив мощь государства в совокупности всех его материальных и духовных ценностей, природных богатств, экономического развития, политического строя и морально-политического состояния... Укажем на протяженность нашей страны, население, полезные ископаемые, климатические условия, экономику, сельское хозяйство, животный мир? Историческое прошлое не отличалось застойным состоянием... Конечно, территория, численность населения, богатства недр и растительный мир - все это еще не составляет в полном смысле могущества государства, а только его потенциальные возможности. Но перечисленное выше является все же необходимыми предпосылками для развития мощи страны, ибо маленькая страна с ограниченной территорией и численностью населения ограничена в своих возможностях». См. также: Записки графа Беннигсена о войне 1807 г.

<sup>20</sup> Вопр. истории. 1996. №2. С. 71.

<sup>21</sup> А. М. Панкратова: «Когда товарищи выступают и говорят, что первым фактором наших побед является не советский строй, а то, что царская Россия завоевала обширные пространства - то я хочу вновь и вновь напомнить о политической ответственности наших выступлений». Тезис А. А. Жданова: «Тарле и другие идут на поводу у вражеской пропаганды, уверяющей, что будто бы обширные пространства, морозы, грязь воспрепятствовали немцам завоевать нашу страну». (РЦХИДНИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 21, 64, 80).

<sup>22</sup> Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...»: Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 7.

<sup>23</sup> Там же. С. 6-7.

<sup>24</sup> Отечественная история. 2008. № 2. С. 74.

<sup>25</sup> Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта, 1938-1945. М., Центрполиграф, 2004. С.144-145

<sup>26</sup> Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи, дневники. Смоленск: Русич, 2000. С. 339.